

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.145.154>

**К ВОПРОСУ О «МАРКСИСТСКОЙ» НАУКЕ НА РУБЕЖЕ
1920-Х- 1930-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ «ДЕЛА РОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ»: С.А. ТЕПЛОУХОВ,
Ф.А. ФИЕЛЬСТРУП И Г.А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ**

© 2026 г. А.А. Назаров, А.М. Белова

В статье рассматривается проблема трансформации советских этнографии, археологии и антропологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на примере участников «Дела Российской национальной партии» С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского. Исследование ставит вопрос однородности научных подходов в советской науке данного периода с использованием микроисторического подхода. Сквозь призму биографий и подходов ученых были рассмотрены большие политические и научные процессы, проанализированы результаты различных мероприятий, проведенных академическим сообществом с целью унификации подходов в советской науке. По итогам работы сделан вывод о наличии большого разнообразия исследовательских методологий, различавшихся даже в рамках одной научной школы. Отмечена интеграция всех трех рассматриваемых ученых в политическую сферу СССР 1920-х гг., а также выявлены разные стратегии адаптации С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского к меняющимся требованиям в научной среде. С другой стороны, сделан вывод о неоднородности самой «марксистская наука»: разные ее сторонники в научной и политической сферах по-разному совмещают старые и новые подходы и по-разному определяют, кто является марксистом.

Ключевые слова: археология, «Дело славистов», «Дело Российской национальной партии», С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп, Г.А. Бонч-Осмоловский, палеоэтнология, марксизм.

**ON THE QUESTION OF «MARXIST» SCIENCE AT THE TURN
OF THE 1920S - 1930S: THE RUSSIAN NATIONAL PARTY CASE:
S.A. TEPLUKHOV, F.A. FIELSTRUP
AND G.A. BONCH-OSMOLOVSKY**

A.A. Nazarov, A.M. Belova

The article examines the issue of transformation of Soviet ethnography, archaeology, and anthropology in the late 1920s and early 1930s through the “Russian National Party Case” participants: S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup, and G.A. Bonch-Osmolovsky. The study raises the question of the uniformity of scientific approaches in Soviet science of this period by applying a microhistorical approach. In the light of the biographies and approaches of these scientists, major political and scientific processes were examined, and the results of various activities undertaken by the academic community to unify approaches in Soviet science were analyzed. Following the results of the work, it is concluded that a significant diversity of research methodologies existed, which differed even within a single scientific school. The integration of all three examined scholars into the political sphere of the USSR in the 1920s is noted, and different adaptation strategies of S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup, and G.A. Bonch-Osmolovsky to the changing demands within the scientific environment are identified. On the other hand, a conclusion is drawn regarding the heterogeneity of "Marxist science" itself: its various proponents in the scientific and political spheres combined old and new approaches differently and defined who was a Marxist in different ways.

Keywords: archaeology, “the Slavists Case”, the Russian National Party Case, S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup, G.A. Bonch-Osmolovsky, paleoethnology, Marxism.

Рубеж 20–30-х гг. XX в. является особым временем в истории СССР. В этот короткий период во всех областях жизни общества происходили большие перемены. Победа И.В. Сталина во внутрипартийной борьбе ознаменовала завершение ранних советских экспериментов 1920-х гг. и начало формирования «сталинского» СССР. Осуждение в 1928 г. «правого уклона» стало началом отказа от сотрудничества со старыми специалистами

и поиска опоры в виде молодых «выдвиженцев» – лояльных партии деятелей «культурной революции». Вместе с этим начали проводиться индустриализация и коллективизация, связанные с внедрением в экономику пятилетних планов. С «Шахтинского дела» 1928 г. начались репрессии против старых специалистов, получивших образование и сделавших карьеру до революции. В сфере науки эти процессы проявились во внедрении принципов марксизма в научные работы и обновлении кадрового состава научных работников. Это должно было осуществляться при помощи выдвижения кандидатур приверженцев «молодой марксистской науки» различных научных школ, например, «школы Марра» в этнографии и археологии, а также «чисток» «идеологически чуждого элемента». Подобные репрессии сопровождались увольнением старых «буржуазных специалистов» и реализации в их отношении прямого уголовного преследования (Fitzpatrick, 1978, p. 30–40).

Репрессии по отношению к научному сообществу начались в ноябре 1929 г. с «Академического дела», в ходе которого были в основном арестованы ученые, являвшиеся дореволюционными специалистами (Степанов, 2013, с. 159). Волна арестов представителей научного сообщества Москвы и Ленинграда рубежа 1920–1930-х гг. завершилась «Делом славистов» («Делом Российской национальной партии») 1933–1934 гг. (Формозов, 1998, с. 195–196).

«Дело славистов» – это уголовный процесс, в рамках которого на скамье подсудимых оказались московские и ленинградские ученые разных специальностей. Они обвинялись в симпатии к националистическим идеям Н.С. Трубецкого, участии в контрреволюционной террористической организации и сотрудничестве с французскими и немецкими фашистскими объединениями. Изначально разделения между городами не было – в сентябре 1933 г. из Ленинграда в Москву были отправлены под следствие четыре человека. После оформления первой группы осужденных из Ленинграда допросы производили на месте. В Ленинграде было арестовано 37 человек. Фигурантами процесса стали ученые разных направлений: филологи, лингвисты, этнографы, искусствоведы, химики и геологи (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 6–8).

Аресты сотрудников Этнографического отдела Русского музея в ленинградской ветке начались с его бывшего заведующего А.А. Миллера. Следующим был арестован Д.А. Золотарев, исполнявший обязанности заведующего после А.А. Миллера. В течение 26–29 ноября были заключены под стражу Ф.А. Фиельструп и С.А. Теплоухов, а также Г.А. Бонч-Осмоловский. Осужденные были приговорены Особым совещанием при коллегии ОГПУ весной 1934 г. к различным мерам наказания: лагерному заключению от 3 до 10 лет или ссылке (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 39–40). В 1937–1938 гг. часть людей, проходивших по «Делу Российской национальной партии», была осуждена повторно и приговорена к высшей мере наказания (ВМН). В лагерях было расстреляно 11 человек, двое фигурантов «Ленинградского Дела славистов» в период с лета 1937 г. – весны 1938 г. Все участники «Дела Российской национальной партии» были реабилитированы: ленинградская часть 28.11.1956, московская – 26.10.1964 (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 202–206).

В историографии изучение «Дела славистов» представлено достаточно слабо. В советский период 1960–1980-х гг. люди, фигурировавшие в данном процессе, упоминались в различных историографических статьях (Алексеев, 1962, с. 51–58). Однако факт того, что эти ученые «проходили» по уголовным делам, до рубежа 1980–1990-х гг. являлся «фигурой умолчания». В исследованиях 1990–2000-х гг. начала подниматься тема участия научного сообщества в «Деле славистов», но эти события рассматривались как противостояние однородных политического (или околополитического) и научного сообществ (Платонова, 2002, с. 272–273) либо как противостояние тоталитарного государства с интеллигенцией (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 3). Также на материалах более ранних дел 1929–1931 гг. еще с середины 1970-х гг. Ш. Фицпатрик (Fitzpatrick, 1978, p. 14–17) и Ю.Л. Слѣзкин (Слѣзкин, 1993, с. 121) выделяли проблему гетерогенности «марксистской науки» в этот период. В последние годы исследователи рассматривают «Дело славистов» в контексте жизнеописания крупных научных деятелей (Алѣкшин, 2023; Застрожнова, 2022).

Учитывая подобный поворот от больших нарративов к анализу отдельных биографий,

мы бы хотели рассмотреть, насколько однородны научные подходы репрессированных по «Делу славистов»?

Поэтому нами был выбран метод *case study* (изучение казусов – конкретных ситуаций) (Petrina, 2020, p. 4–5). Наиболее оптимально применение этого метода при анализе нестандартных, крайних случаев, поскольку в них сильнее выражены общие исторические закономерности (Bessmertnaya, 2021, p. 701). Поэтому нами было принято решение рассмотреть данную проблему на примере трех исследователей: С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструп и Г.А. Бонч-Осмоловского. С.А. Теплоухов и Ф.А. Фиельструп трагически погибли, находясь под следствием, при не до конца выясненных обстоятельствах. По версии следствия, С.А. Теплоухов покончил с собой, а Ф.А. Фиельструп умер в шоковом состоянии на допросе, выпив стакан кипятка (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 86). Все остальные участники «Дела Российской национальной партии» были осуждены и получили наказание. С Г.А. Бонч-Осмоловского, напротив, при жизни в 1941 г. были сняты все обвинения, что было единичным случаем для пенитенциарной системы СССР 1930-х гг. в целом (Платонова, 2016, с. 99). Кроме этого, С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп и Г.А. Бонч-Осмоловский были близкими друзьями, представителями ленинградских научных школ. Их объединяло то, что в студенческие годы Г.А. Бонч-Осмоловский и Ф.А. Фиельструп участвовали в деятельности Эрмитажного кружка (Анциферов, 1992, с. 203), а в последние годы своей жизни совместно с С.А. Теплоуховым работали в Этнографическом отделе Русского музея, где и разворачивалась этнографическая часть «Дела Российской национальной партии». Все трое были арестованы в одно время – 26–29 ноября 1933 г. (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 39–40). Помимо *case study*, нами был применен метод новой биографии, в рамках которого биография служит инструментом для раскрытия исторического процесса через оптику жизни конкретного человека (От редакции, 2009, с. 12).

Сергей Александрович Теплоухов родился в Пермской губернии, в семье известных краеведов, археологов и собирателей древностей. Он поступил в 1908 г. Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета, затем в 1912 г. начал

обучаться второй специальности, антропологии, у Б.Ф. Адлера, ученика Д.Н. Анучина, создавшего принципы комплексного изучения в этнографии, антропологии, археологии и пр. (Китова, 2010, с. 167). За выдающиеся успехи в изучении происхождения финских народностей С.А. Теплоухов был отправлен на стажировку в Петербург к основателю палеоэтнологической школы Ф.К. Волкову. Летом 1918 г. Сергей Александрович находился в родовом поместье в с. Ильинское Пермской губернии. Из-за наступления войск Колчака он оказался отрезан от Казани и Петербурга и несколько месяцев преподавал в Пермском университете. Затем С.А. Теплоухов в 1919 г. был эвакуирован в Томск вместе с частью преподавательского состава университета. Там он работал в центре археологических исследований вместе с Ф.А. Фиельstrupом.

В течение нескольких лет после свержения белого правительства усилился контроль за деятельностью Томского университета. Поэтому С.А. Теплоухов в 1922 г. переехал в Петроград совместно с Ф.А. Фиельstrupом и С.И. Руденко. Там он преподавал антропологию и этнографию на кафедре антропологии сначала физико-математического, а затем географического факультета; занимался полевыми археологическими исследованиями в Ленинградской области. Сергей Александрович проработал в звании доцента до 1 сентября 1929 г., пока не был уволен в связи с упразднением данных предметов из учебной программы (Китова, 2010, с. 167–169). В последующие годы продолжил работу в Русском этнографическом музее в должности хранителя этнографического отдела (Березников, 2018, с. 3038), а также работал научным сотрудником в ГАИМК. Помимо преподавательской деятельности С.А. Теплоухов в 1924 г. участвовал в раскопках курганов в Ноин-Уле и впервые указал его правильное хронологическое определение. В 1925–1926 гг. и в 1929 г. уже возглавлял экспедицию АН СССР в Танну-Тувинской республике (Березников, 2018, с. 3039). Благодаря работе в Томском университете Сергей Александрович начал комплексное изучение Минусинской котловины (Теплоухов, 1929). Им была произведена подробная классификация памятников данной территории. С.А. Теплоухов выступал за комплексное исследование среды обитания ископаемого человека. Глав-

ную роль в формировании различных археологических культур он отводил климатическим и природным факторам: наличию или отсутствию ресурсов, естественным границам, которые могут быть проницаемы для единичных и являться преградой для массовых контактов и миграций (Китова, 2010, с. 171–172).

С.А. Теплоухов был арестован 26.11.1933 и в марте 1934 г. по версии следствия, повесился в Доме предварительного заключения, в связи с чем дело было прекращено (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 205).

Во время работы в Томске С.А. Теплоухов уделял время изучению современных ему этнических сообществ. Он ввел в широкое употребление этноним «хакасы» как название тюркоязычных групп юга Западной Сибири, встречавшийся в китайских исторических источниках и принятый в качестве самоназвания некоторыми племенами (Яковлев, 1928, с. 227). В 1923 г. был образован Хакасский уезд Енисейской губернии (Прокопьева, 2023, с. 600). Видимо, часть работ Сергея Александровича была применена в рамках политики «коренизации». Используя их, советские политические элиты смогли применить этот этноним для территориального размежевания СССР (Алпатов, 2001, с. 6).

Федор Артурович Фиельструп родился в 1889 г. в Петербурге. Его отец служил старшим механиком в Управлении городских телеграфов. В 1914–1915 гг. Ф.А. Фиельструп в составе экспедиции совершил поездку в Южную Америку (Фиельструп 2002, с. 4–5). С 1917 г. перед большевистской партийной номенклатурой стояла сложная задача по выстраиванию системы управления разными этническими сообществами РСФСР (а затем и СССР). Поэтому уже в 1917 г. на базе Российской академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Ф.А. Фиельструп работал при ней с 1918 г., что позволило ему участвовать в основных этнографических экспедициях. Помимо работы в КИПСе, в 1920-х Ф.А. Фиельструп работал в этнографическом отделе Русского музея, а с 1926 г. – помощником хранителя данного отдела, совершая ежегодные полевые исследования Киргизии, Средней Азии и Кавказа (Фиельструп, 2002, с. 6).

На момент ареста Федор Артурович занимал должность старшего научного сотрудника Русского музея, занимался этнографией тюркских народов. Он был задержан в один день с С.А. Теплоуховым и, как указано в следственном деле, умер от несчастного случая в Доме предварительного заключения через две недели, 07.12.1933 (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 206).

Ф.А. Фиельструп занимался этнографическим изучением тюркских народов: крымских татар, казахов и киргизов. Исследования Федора Артуровича были посвящены изучению структуры традиционных обществ, архаичных пластов мировоззренческих систем тюркских народов, общему и особенному в культуре тюркских народов, этногенетическим и культурным связям. В них широко использовался историко-сравнительный метод. Однако труды Ф.А. Фиельструпа не содержат в себе никакой авторской интерпретации, но представляют собой сборники богатого фактического материала по этнографии и лингвистике тюркоязычных сообществ.

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский родился в 1890 г. в семье, происходившей из старинного белорусского дворянского рода. Его отец, А.О. Бонч-Осмоловский, был активным участником движения народников, подвергаясь арестам на протяжении всей деятельности. Отец и сестра Глеба Анатольевича участвовали в вооруженном восстании 1905 г. в Москве (Воробьев, 2017). В 1910 г. Г.А. Бонч-Осмоловский вступил в пролетарский кружок при Эрмитаже по подготовке студентов к экскурсиям для рабочих. На тот момент Глеб Анатольевич являлся студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (Платонова, 2016, с. 105–107). В 1915 г. Г.А. Бонч-Осмоловский ушел добровольцем на фронт, где тяжело заболел туберкулезом, в связи с чем был отправлен на лечение в Крым. Здесь он участвовал в деятельности красного подполья, а после установления большевистской власти заведовал Крымским комитетом по делам музеев (Платонова, 2005, с. 305).

В 1922 г. вместе с семьей Глеб Анатольевич переехал в Петроград, где начал работать научным сотрудником в этнографическом отделе Русского музея, дослужившись до главного помощника хранителя музея. В это же время им были проведены масштабные

исследования пещеры Киик-Коба в Крыму, в ходе которых Глеб Анатольевич занимался изучением устройства жизни палеолитического человека. На протяжении 1920-х Г.А. Бонч-Осмоловский сотрудничал с иностранными антропологами: в 1926 г. он совершил поездку во Францию для консультации с А. Брейлем, Г. Мартеном, Д. Пейрони и другими крупными учеными (Севастьянов, 2013, с. 131). Параллельно с работой в Русском музее он возглавлял Четвертичный отдел в Геологическом институте АН СССР, а также был ассистентом кафедры антропологии Ленинградского университета (Грусман, Дмитриев, 2014, с. 14).

Он был арестован 29.11.1933 (Севастьянов, 2013, с. 131–132). 12.04.1934 приговорен к трем годам лагерного заключения в Ухто-Печорском лагере, откуда был досрочно освобожден 26 февраля 1936 г. (Севастьянов, 2013, с. 132). Затем жил в Старой Русе без права прописки в Москве и Ленинграде (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 203). Но Глебу Анатольевичу хотелось продолжать полноценно работать, и после нескольких ходатайств он был признан невиновным 22.02.1941. К тому же на заседании Ученого совета ИИМК имени Н.Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г. Г.А. Бонч-Осмоловский был утвержден как доктор наук без защиты диссертации. Заседание подготовило все необходимые документы: отзывы, рецензию на II том «Палеолита Крыма», принятый в качестве диссертационного текста (Севастьянов, 2013, с. 137–138). Вскоре из-за начала блокады Ленинграда Глеб Анатольевич с женой и сыном был отправлен в эвакуацию в Казань в качестве университетского преподавателя антропологии, где и умер в 1943 г.

Глеб Анатольевич также стал автором множества археологических и этнографических работ по изучению народов Крыма. Он описывал быт, язык, жилище, питание, одежду, брак, семью крымских татар. Также Г.А. Бонч-Осмоловский выделил многокомпонентность этнического устройства крымско-татарского этноса, различные факторы, сформировавшие его. Главным из них он считал производственно-экономические условия, второстепенными – географическое положение и гибкость традиционной культуры (Бонч-Осмоловский, 1925, с. 78). Однако этнос в социально-экономическом плане у Бонч-Осмоловского представлен как нечто

однородное, без явной классовой дифференциации.

Все упомянутые ученые были ровесниками и принадлежали к поколению людей, родившихся на рубеже 1880–1890-х гг. Будучи уроженцами разных регионов Российской империи и выходцами из разных социальных групп, они получили высшее образование. Но карьере они сделали уже при советской власти. К этому же периоду относятся их главные работы и участие в формировании советской научной школы. Оказавшись в экстремальных условиях – эпицентре Гражданской войны на белых территориях, ученые выбрали разные стратегии поведения. Когда С.А. Теплоухов и Ф.А. Фиельструп работали в Томском университете при А.В. Колчаке, Г.А. Бонч-Осмоловский участвовал в борьбе большевистского подполья против А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. Несмотря на это, все они были встроены в советскую политическую систему, в которой их научные наработки использовались для реализации национальной политики партии.

Также мы видим, что двое исследователей – С.А. Теплоухов и Г.А. Бонч-Осмоловский – принадлежали к ленинградской палеоэтнологической школе Ф.К. Волкова, который выступал за комплексный подход в антропологии – сочетание методов биологии (классификации), геологии (стратификации), палеонтологии, археологии и др., результатом чего является этнологическая реконструкция образа жизни человека в прошлом. Подобный подход существовал и в московской школе под руководством Б.С. Жукова (Кузьминых, 2023). В позднейшем периоде историографии исследователи в основном рассматривали палеоантропологическую школу как одну московскую часть, но исследователи «ленинградской ветви», напротив, разделяли их (Платонова, 2008, с. 96).

Для понимания причин репрессий в отношении выбранных нами исследователей далее мы рассмотрим основные события, произошедшие в академической среде археологов, этнологов и антропологов в ходе изменений в научной среде 1929–1932 гг.

Начать стоит с Совещания этнографов Москвы и Ленинграда, проходившего 5–11 апреля 1929 г. В ходе него в академическом сообществе был поднят вопрос унификации подходов в этнографии на основании

методологии диалектического материализма. Оживленную дискуссию вызвали понятия «этнос», «раса» и «культура». Часть присутствовавших выступала за рассмотрение этих терминов в рамках классового и формационного подходов. К этой группе в основном принадлежали «выдвиженцы», представленные в этнографической среде «школой Н.Я. Марра» (Стенограмма..., 2014, с. 217–231). В рамках дискуссии «диалектики» использовали ссылки на различные труды советской политической элиты. В частности, В.Б. Аптекарь и Я.П. Кошкин аргументировали свои позиции выдержками из работ Н.И. Бухарина, на тот момент уже осужденного Политбюро за «правый уклон» (Стенограмма..., 2014, с. 182; с. 198–203). Другая группа исследователей выступила в защиту традиционного изучения «этноса» и «культуры» или адаптировала эти понятия в рамках диалектического материализма, без дробления, присущего «диалектикам» (Стенограмма..., 2014, с. 269–270), которая в историографии получила название «механицистов» (Стенограмма..., 2014, с. 28).

Также в этом году был арестован С.Н. Руденко, а методологическое совещание семинара, учрежденного для внедрения марксизма-ленинизма в работу Этнографического отдела, осудило т. н. «руденковщину» за защиту эксплуатации капиталистами колониальных и полуколониальных народов. Примечательно, что Ф.А. Фиельструп был определен им как «защитник Руденко», а С.А. Теплоухов и Г.А. Бонч-Осмоловский – как «главные защитники Руденко» (Грусман, Дмитриев, 2014, с. 12–13).

В 1930 г. вышла работа другого «выдвиженца», В.И. Равдоникаса, «За марксистскую историю материальной культуры». Автор требовал от научного сообщества исследовать эволюцию средств производства и производственных отношений, находящих отражение в археологическом материале. Для этого он предложил рассматривать функционал артефактов и среду, в которой они были созданы, в комплексе с другими типами источников (Равдоникас, 1930, с. 14–20). В.И. Равдоникас критиковал палеоэтнологию за биологизацию исторических процессов, выраженную в связи археологических находок и объектов с этносами как биологическими общностями людей (Равдоникас, 1930, с. 76–79). Однако

стоит заметить, что В.И. Равдоникас взял свой «комплексный метод» у палеоэтнологов, которые исследовали человека в контексте окружающей его природной и социальной среды (Платонова, 2002, с. 273).

В 1930 г. КИПС был упразднен. На его место пришел Институт изучения народов СССР, задачей которого являлось определение и ликвидация пережитков, затрудняющих переход к более продвинутым социально-экономическим формациям (Москвина, 2021, с. 77). Это стало демонстрацией перехода к системе, предложенной В.И. Равдоникасом. Но уже в октябре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» вышло письмо И.В. Сталина в редакцию (Сталин, 1931). В нем Иосиф Виссарионович, заняв «механицистские» позиции, высказался о поддержке большевиками «угнетенных народов и наций» без какого-либо деления на классы. Эта точка зрения была схожа с методологией Г.А. Бонч-Осмоловского, осужденного спустя два года, и отчасти противоречила подходу Равдоникаса.

Попытка «унификации» методологий в академической среде была предпринята в 1932 г., когда состоялось Всероссийское археолого-этнографическое совещание. По итогам выступлений была составлена программа объекта изучения «марксистской этнографии»: вопросы этногенеза и определение территориальных границ различных этнических сообществ; материальное производство; происхождение семьи, классов, экономической надстройки в виде религии, искусства и т. д.; формы разложения разных социально-экономических формаций в капиталистическом окружении и их перехода к социализму минуя капитализм; строительство культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию (Слэзкин, 1993, с. 119–121).

Таким образом, можно отметить изменения в требованиях среды «выдвиженцев» к науке. В 1929–1930 г. они выступали сугубо за классовый подход в археологии и этнографии. Но после «Письма» Сталина их позиция несколько изменилась. В финальной программе Совещания 1932 г. появились «механицистские» термины – этнос и культура.

До 1931 г. подходы С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского были объектом критики «диалектиков». С.А. Теплоухов выступал за исследование

влияния климатических факторов на археологические культуры; Ф.А. Фиельструп занимался публикацией полевого этнографического материала, не сопровождая его исследовательскими интерпретациями; Г.А. Бонч-Осмоловский не выделял внутри этноса классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Можно утверждать, что все трое исследователей были ближе к «механицистам», чем диалектикам. Однако это деление достаточно условно, поскольку на примере трех исследователей можно говорить о разнообразии научных подходов даже в рамках одной научной школы. Единственным, кто пытался интегрировать элементы диалектического материализма в свои работы, был Г.А. Бонч-Осмоловский. Благодаря такому научному подходу Глеб Анатольевич снискал расположение части марксистского научного сообщества. Так, в 1930 г. разбирательства в отношении него, начавшиеся после конфликта с В.И. Равдоникасом, были прекращены, когда за исследователя заступился Н.Я. Марр. А в 1934 г. поручительное письмо написал ученик Н.Я. Марра, директор Института археологии, антропологии и этнографии СССР И.И. Мещанинов. В нем он отметил «вульгарный материализм» как единственный недостаток работ Глеба Анатольевича (Севастьянов, 2013, с. 131–132).

Однако с появлением «компромиссной» программы 1932 г. методологии исследователей совпадают, представляя собой изучение этногенеза и структуры этносов. Более того, при помощи различных советских институтов все трое ученых участвовали в национальной политике РСФСР и СССР, в частности определении состава и границ этнических групп. Во всех случаях исследователь оказывался прямо вовлечен в политические события рубежа 1910–1920-х гг. – проведение советской национальной политики, определение идентичности национальностей, проживавших на территории СССР.

Также необходимо отметить, что даже до 1931 г. часть «механицистских» подходов некоторыми группами «выдвиженцев» понималась как марксизм. Например, взгляды на однородное экономическое устройство этноса совпадали с терминами «полуколонизированные» и «колонизированные народы», фигурировавшими в обвинениях, предъявленных методологической комиссией С.Н. Руденко.

Вместе с этим оба сообщества придерживались в исследованиях междисциплинарных, комплексных подходов. По-видимому, репрессии против «механицистов» и «диалектиков» на какое-то время остановили процесс развития междисциплинарных научных полей в рамках советской археологии, этнографии и антропологии.

Наконец, несмотря на политическую ангажированность «диалектиков» («выдвиженцев»), можно предположить, что даже они не успевали адаптироваться к менявшемуся курсу партийной номенклатуры. Это косвенно подтверждают ссылки на Бухарина на конференции, проводившейся спустя год после его политической опалы, и начало «Дела славистов» через два года после выхода письма Сталина. Возможно, в условиях подобной методологической полифонии это письмо не было понято «выдвиженцами» как указание к прекращению репрессий и консолидации академического сообщества. С другой стороны, генезис молодой советской археологии, этнографии и антропологии не был первоочередной задачей партийной элиты рубежа 1920–1930-х гг., поэтому, возможно, унификация исследовательских подходов, в том числе и при помощи проведения репрессий, была отдана на откуп «выдвиженцам». Однако те самые «выдвиженцы», позиция которых не смогла измениться вслед за изменением «генеральной линии партии», были привлечены по новым уголовным делам значительно позже – уже на новом витке трансформаций в молодой советской науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. 1962. № 3. С. 49–58.
- Алёшкин В.А. Ненаучные проблемы отечественных археологов (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Археологические вести. 2023. № 38. С. 17–29.
- Алпатов В.М. Нужны ли литературные языки народам Севера? // Языковое бытие человека и этноса. Вып 3 / Ред. В.А. Пищальникова. Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 3–9.
- Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

Березовиков Н.Н. Сергей Александрович Теплоухов (1888–1934) - археолог и член Томского орнитологического общества имени С. А. Бутурлина // Русский орнитологический журнал. 2018. № 1629. С. 3027–3041.

Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: этнографический очерк // Путеводитель по Крыму / под ред. А.И. Маркевича, А.И. Полканова, Н.Л. Эрнста. Симферополь: Крымиздат, 1925. С. 78–96.

Воробьев А.А. Бонч-Осмоловский – семья революционеров в истории Беларуси // Романовские чтения – 12: сборник статей Международной научной конференции, Могилев, 23–24 ноября 2016 г. / Под общ. ред. А. С. Мельниковой. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. С. 68–69.

Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От редакции. «Номо Imperii: поворот к биографии» // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2009. № 1. С. 11–16.

Грусман В.М., Дмитриев В.А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей. Традиции. Этничность. 2014. №. 1. С. 6–24.

Застрожная (Панкратова) Е.Г. Следственное дело А. А. Миллера (1933–1934 гг.): общий обзор // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. № 3. С. 29–32.

Китова Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.

Кузьминых С.В. Б.С. Жуков – лидер московской палеоэтнологической школы (по материалам переписки с А.М. Тальгреном) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 8–66.

Москвина Д.А. Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. №1(11). С. 75–87.

Платонова Н.И. Панорама отечественной археологии на «Великом переломе» по страницам книги В. И. Равдоникаса («За марксистскую историю материальной культуры») // Археологические вести. Вып. 9 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2002. С. 261–278.

Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // Археологические вести. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 301–316.

Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в археологии и Ф. К. Волков // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 315. С. 96–103.

Платонова Н.И. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. № 3. С. 95–123.

Прокопьева Е.А. Административно-территориальное строительство Хакасии (1930-е – начало 1990-х гг.) // Путеводитель по фондам муниципальных архивов Республики Хакасия / сост. Т.В. Коростелева и др.. Абакан: ООО «Типография Хакасии», 2023. С. 596–642.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры / Известия ГАИМК. 1930. Т. 7. №. 3–4. Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 1930. 94 с.

Севастьянов А.В. Возвращение ученого: вокруг реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского (конец 30-х – начало 40-х гг. ХХ В.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2013. №1. С. 125–142.

Слѣзкин Ю.Л. Советская этнография в нокдауне: 1928–1928 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // «Пролетарская Революция». М.; Л.: Московский рабочий. 1931. № 6 (113). С. 16.

Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) // От классиков к марксизму: Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Серия КА «Кунсткамера — Архив» VII / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 509 с.

Степанов М.Г. «Академическое дело» (1929 – 1931 гг.): взгляд современной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (2). С. 158–161.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.К. Волков. Л.: Изд-во Этногр. отд. Рус. музея имп. Александра III, 1929. С. 41–62.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.

Яковлев Н.Ф. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 206–234.

Bessmertnaya O.Y. Magomet-Bek Hadjetlaché and the Muslim Question. Deceit, Trust, and Orientalism in Imperial Russia after 1905 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2021. № 4 (22). P. 697–727.

Fitzpatrick Sh. Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia, 1928-1931. Indiana University Press, 1978. P. 8–40.

Petrina St. Historical Case Study // Methods of Analysis. Vancouver: The University of British Columbia, 2020. P. 1–6.

Информация об авторах:

Назаров Артём Алексеевич, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия); aralnazarov@edu.hse.ru

Белова Александра Максимовна, студент 5 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Пермь, Россия); ambelova_2@edu.hse.ru

REFERENCES

Alekseev, V. P. 1962. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (6), 49–58 (in Russian).

Alekshin, V. A. 2023. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (38), 17–29 (in Russian).

Alpatov, V. M. 2001. In Pischalnikova, V. A. (ed.). *Yazykovoie bytie cheloveka i etnosa (Linguistic being of the individual and the ethnos)* 3. Barnaul: Altai State University, 3–9 (in Russian).

Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. 1994. «*Delo slavistov*»: 30-e gody (“The Slavists Case”: 1930s). Moscow: “Nasledie” Publ. (in Russian).

Berezovikov, N. N. 2018. In *Russkiy ornitologicheskii zhurnal (The Russian Journal of Ornithology)* (1629), 3027–3041 (in Russian).

Bonch-Osmolovsky, G. A. 1925. In Markevich, A. I., Polkanov, A. I., Ernt, N. L. (eds.). *Putevoditel’ po Krymu (Guide to Crimea)*. Simferopol: “Krymizdat” Publ., 78–96 (in Russian).

Vorob’ev, A. A. 2017. In Mel’nikova, A. S. (ed.). *Romanovskie chteniya — 12 (Romanov Readings-12)*. Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshov, 68–69 (in Russian).

Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovsky, A., Mogilner, M., Semenov, A. 2009. In *Ab Imperio: Issledovaniya po novoy imperskoy istorii i natsionalizmu v postsovetском prostranstve (Ab Imperio: Studies in New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space)* (1), 11–16 (in Russian).

Grusman, V. M., Dmitriev, V. A. 2014. In *Muzey. Traditsii. Etnichnost’ (Museum. Traditions. Ethnicity)* 1, 6–24 (in Russian).

Zastrozhnova (Pankratova), E. G. 2022. In *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya (Humanities and Pedagogical Research)* (3), 29–32 (in Russian).

Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 166–173 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 8–66 (in Russian).

Moskvina, D. A. 2021. In *Kunstkamera* 11 (1), 75–87 (in Russian).

Platonova, N. I. 2002. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 9. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS; “Dmitrii Bulanin” Publ., 261–278 (in Russian).

Platonova, N. I. 2005. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 12. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS; “Dmitrii Bulanin” Publ., 301–316 (in Russian).

Platonova, N. I. 2008. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)* 315, 96–103 (in Russian).

Platonova, N. I. 2016. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. (3), 95–123 (in Russian).

Prokop'eva, E. A. 2023. In Korosteleva, T. V. et al (eds.). *Putevoditel' po fondam municipal'nykh arkhivov Respubliki Khakasiya* (Guide to the holdings of municipal archives of the Republic of Khakassia). Abakan: "LLC "Tipografiya Khakasii" Publ., 596–642 (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1930. *Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury* (For a Marxist history of material culture). Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 7 (3–4). Leningrad: "Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).

Sevastyanov, A. V. 2013. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. (1), 125–142 (in Russian).

Slezkin, Yu. L. 1993. In *Etnograficheskoe Obozrenie* (Ethnographic Review) (2), 113–125 (in Russian).

Stalin, I. V. 1931. In *Proletarskaya Revolyutsiya* (Proletarian Revolution), 6 (113). 16 (in Russian).

In Arzyutov, D. V., Alymov, S. S., Anderson, D. J. (eds.). 2014. *Ot klassikov k marksizmu: Stenogramma soveshchaniya etnografov Moskvyy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* (From Classics To Marxism: The Meeting Of Ethnographers From Moscow And Leningrad (5–11 April 1929)). Series: Kunstkamera — Arkhiv (Kunstkamera — Archives) VII. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Stepanov, M. G. 2013. In *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues) 7 (2), 158–161 (in Russian).

Teploukhov, S. A. 1929. In Volkov, F. K. (ed.). *Materialy po etnografii* (Materials on Ethnography) vol. IV, issue 2. Leningrad, 41–62 (in Russian).

Fielstrup, F. A. 2002. *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* (From the ritual life of the Kyrgyz people in the early 20th century). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov, A. A. 1998. In *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian Archaeology) (3), 191–206 (in Russian).

Yakovlev, N. F. 1928. In *Revolutsionnyy Vostok* (Revolutionary East) 3, 206–234 (in Russian).

Bessmertnaya, O. Y. 2021. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 4 (22), 697–727.

Fitzpatrick, Sh. 1978. In *Cultural Revolution in Russia, 1928-1931*. Indiana University Press, 8–40.

Petrina, St. 2020. In *Methods of Analysis*. Vancouver: The University of British Columbia, 1–6.

About the Authors:

Nazarov Artem Al. Research Intern, Center for South Arabian Studies, National Research University Higher School of Economics, Pokrovsky Boulevard, 11, 109028, Moscow, Russian Federation; aralnazarov@edu.hse.ru

Belova Alexandra M. 5th year student Bachelor's degree, National Research University Higher School of Economics, Studencheskaya St., 38, 614070, Perm region, Russian Federation; ambelova_2@edu.hse.ru

Статья поступила в журнал 30.09.2025 г.
Статья принята к публикации 03.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу